

УДК 321:94(450)

**ПЕРЕОСМЫСЛЯ ГРЕКОВ: К ВОПРОСУ
ОБ АНАЛИЗЕ АНТИЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ**

Павлов К.В.

В данном исследовании предпринято рассмотрение проблемы восприятия античной государственности в политической теории Никколо Макиавелли – выдающегося мыслителя, историка и дипломата эпохи Итальянских войн. Изучены ключевые работы Макиавелли – «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь», а также трактат «О военном искусстве» и некоторые письма флорентинца. Автор исследования обосновывает предположение о том, что макиавеллевский анализ античной государственности явился синкретичным переосмыслением греческого политического опыта через Рим и совокупного античного политического опыта через реалии современной Макиавелли итальянской политики.

Ключевые слова: Макиавелли, Греция, Рим, античность, политическая теория, Итальянские войны.

**RETHINKING THE GREEKS:
TO THE ISSUE OF ANCIENT STATEHOOD ANALYSIS IN
THE POLITICAL THEORY BY NICCOLÒ MACHIAVELLI**

Pavlov K.V.

This study examines the problem of ancient statehood perception in the political theory by Niccolò Machiavelli, known as an exceptional thinker, historian and diplomat of the Italian Wars era. Machiavelli's key works, such as "Discourses on the first ten of Titus Livy" and "The Prince", as well as a treatise "The art of War" and some letters of the Florentine are studied. The author of the study substantiates the assumption that Machiavellian analysis of ancient statehood was a syncretic reinterpretation of the Greek political experience through Rome and the cumulative

ancient political experience through the realities of modern Machiavelli Italian politics.

Keywords: Machiavelli, Greece, Rome, antiquity, political theory, Italian Wars.

Говоря о том, как Никколо Макиавелли воспринимал греческую государственность, необходимо для начала определить, какое место знания о греческом этапе античности занимали в образовании мыслителя. Что Макиавелли знал о греках, и каковы были источники его знаний? Прежде всего, в этом контексте следует отметить условия, в которых формировался интеллектуальный «код» Макиавелли: он родился и вырос во Флорентийской республике эпохи её культурно-политического расцвета под управлением династии Медичи. Последняя треть XV в. – период становления Макиавелли как личности и как дипломата. Это период активного изучения греческого культурного наследия во Флоренции под лоном Платоновской академии, основанной Марсилио Фичино – гуманистом и другом правителя республики Лоренцо Медичи Великолепного [5, с. 34]. В первую очередь, исходя из самоопределения проекта Фичино, в академии изучалось наследие Платона и греческих авторов его круга, т.н. «первых платоников». Фичино, во многом, исполняя заказ Лоренцо, изучал сочинения греческих философов не только на предмет платонической этики, но и в плане политических идей и взглядов, в них высказывавшихся. В определённом смысле, «Государство» Платона было своего рода «настойной книгой» флорентийских гуманистов первого поколения Платоновской академии для изучения [5, с. 37, 48]. На основании этого изучения, сочинения Платона и его ближайших современников преподавались во флорентийском университете – Студии. Знали флорентийские гуманисты и сочинения ученика Платона Аристотеля, благодаря тому, что в университетах Италии получило широкое распространение учение аверроистов – арабских толкователей греческого философа, последователей Аверроэса, благодаря которому, во многом, знание трудов Аристотеля сохранилось в

средневековом мире в принципе [12, с. 289]. «Политика» Аристотеля в это время была не столь интересна интеллектуалам Флоренции, Падуи, Болоньи и других университетских центров Италии, сколь его «Метафизика». Однако во флорентийском университете при содействии платоников кружка Фичино всё-таки изучали и «Политику», правда – на латыни [5, с. 39]. Характерно, что итальянские гуманисты XV в. рассматривали большинство греческих текстов не в оригинале, а уже в латинской их трансляции. В этом отношении их знание греческой литературно-философской традиции было таким же опосредованным, как у Августина Блаженного, которого, как упоминал падуанский гуманист конца XV – начала XVI вв. Пьетро Помпонацци, считали «непревзойдённым в образованности, ибо о нём судят не меньше, чем о самих Платоне и Аристотеле» [22, р. 380]. Поэтому в университете Студии в конце XV в. имели хождение также латинские переводы Платона и Аристотеля. В этом университете на рубеже 1480-х – 1490-х гг. учился и Никколо Макиавелли [4, с. 8-9].

Годы его обучения в Студии – время совместной интеллектуальной деятельности Фичино и его учеников, представителей второго поколения флорентийских гуманистов Платоновской академии, во главе с Пико Делла Мирандола. В это время гуманисты во всей Италии всё больше обращались к чувственным сторонам греческой философии, в частности – к эпикурейскому учению [16, р. 132-133]. Гуманисты из Флоренции, по-прежнему, в большинстве своём, пользовавшиеся протекцией грандов города – семейств Медичи и Строцци, пытались объединить в своём изучении сенситивных идей греков концепции чувственного, эстетического восприятия философии Платона и Эпикура с политическими дискурсами, выделенными в этих сочинениях их предшественниками [16, р. 133]. Результатом этого «смещения» философских традиций в их прочтении с ориентиром на политическую практику, с точки зрения британского историка и философа М. Седжвика, стало формирование идеи Флоренции как «мистического города», на базе которой городом правил уже монах-спиритуалист Джироламо Савонарола (1494-1498 гг.) [24, р. 126].

Подобная точка зрения на адаптацию изучения греческого знания, его влияния на трансформацию флорентийского государства крайне любопытна, если мы сопоставим её с макиавеллевским видением Флоренции Савонаролы, свидетелем правления которого был Никколо Макиавелли. Флорентинец пишет в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» о том, что авторитет Савонаролы был основан на убеждённости общественных масс Флоренции в том, что монах может говорить с Богом [9, с. 172]. Однако верить тому, что говорит Савонарола, пользуясь именем Божьим, следует не во всех случаях, но лишь в тех, когда это непредосудительно разуму [9, с. 172]. Присутствующая здесь у Макиавелли критика спиритуального иррационализма Савонаролы политическим разумом – классический пример рассуждения в контексте эпикурейской этической традиции греческой философии [3, с. 550-559]. С точки зрения американского исследователя идей Макиавелли Р. Дж. Роклейна, критичность флорентинца по отношению к савонаролианскому режиму в Тосканской республике периода 1494-1498 гг. соотносится с эпикурейскими традициями греческой философии также и в части политико-органического анализа [23, р. 200]. Так Роклейн обращает внимание на критику Макиавелли савонаролианских порядков во Флоренции как так называемого «государства смешанного типа» [23, р. 200]. Эти рассуждения Никколо подобны тому, как Эпикур утверждает о расстройстве человеческих дел и (или) состояний дел в ситуации, когда люди обращены друг к другу как «смешанные тела» [23, р. 200]. Таким образом, макиавеллевский подход к правлению Савонаролы – очевидный пример суждения в духе Эпикура. Вместе с тем, рассуждая об учёбе Макиавелли в университете Флоренции, необходимо признать, что к греческому наследию античной культуры Никколо проявлял в те годы заметно меньший интерес, нежели к римскому.

Настольными книгами для Макиавелли стали сочинения римских классиков – Тита Ливия, Цицерона и Саллюстия [4, с. 8-9; 16, р. 136; 11, с. 134-135]. Сама задумка «Рассуждений» Макиавелли к Ливию – это во многом посвящение Никколо любимому автору, попытка ренессансного мыслителя

построить своего рода интертекстуальный «диалог эпох» между римской античностью и реалиями итальянской истории XV-XVI вв., процессом Итальянских войн, раздела территории Апеннин между крупнейшими государствами Европы [4, с. 3].

Греческое же наследие Макиавелли если и усваивал в годы обучения в Студии, то относительно меньше. Во всяком случае, нам точно известно, что греческого языка он не знал. Он сам себя ругал за это в поздних письмах, когда жаловался старому приятелю по дипломатической службе Франческо Гвиччардини, что имеет доступ к большой библиотеке книг на греческом, но не может применить их для написания «Истории Флоренции», над которой он тогда работал [19, р. 205-206]. Сложно сказать о точной базе знаний мыслителя в области греческой философии: ограничивалась ли эта база Платоном и авторами его круга, его последователем Аристотелем и (или) «обособленно» воспринятым в политических идеях Макиавелли Эпикуром, или Никколо мог знать более ранние образцы греческой философии. В этом отношении мы гораздо предметнее представляем себе базу исторической греческой литературы, известной флорентинцу и анализировавшей им. Так, благодаря относительно недавнему компаративистскому исследованию итальянского специалиста Л. Бьязиори, мы подробно узнали о влиянии на «Государя» Макиавелли «Киропедии» греческого историописца Ксенофонта [13, р. 47-80].

Рассуждая о том, в какой мере «Киропедия» была известна Макиавелли и «востребована» им при работе над «Государем», Бьязиори указывает на то, что италоязычный перевод сочинения Ксенофонта за авторством соотечественника Никколо, флорентийского гуманиста Якопо Браччолини официально был издан в 1521 г. ещё при жизни Макиавелли [13, р. 64-65]. Неофициально же этот перевод получил хождение в кругах флорентийских интеллектуалов несколько ранее. Среди них одним из проявлявших к этому переводу наибольший интерес был как раз Макиавелли. Так Никколо упоминает этот перевод в своём сочинении 1520 г. «Рассуждения о положении дел во Флоренции после смерти Лоренцо» (*Discorso delle cose fiorentine dopo la morte di Lorenzo*) [13, р. 61-62]. В

своей работе Бьязиори даже предложил использовать дискурс «ксенофонтизма» (*senofontismo*) для обозначения влияния «Киропедии» на политическую теорию Макиавелли [13, p. 81-100].

Несмотря на важное уточнение Бьязиори о «Киропедии» Ксенофонта как части греческого базиса идей флорентинца, к сожалению, из этого для нас не следует сведений о знании (или незнании) Никколо греческой философии до Платона. В «Киропедии» Ксенофонта, как известно, философы не представлены: персонажами повествования и упоминания в труде фигурируют исключительно военно-политические деятели эпохи греко-персидских войн [6, с. 329-332]. Соответственно, рассуждая о том, знал ли Никколо Макиавелли доплатоническую традицию греческой философии, мы вольны строить различные гипотезы.

С нашей точки зрения, Макиавелли мог знать из ранней греческой философии, по меньшей мере, о существовании Зенона Элейского, ученика Парменида по школе элеатов. Эту гипотезу в определённой степени можно подтвердить, исходя из наших представлений о круге платонической философской литературы, имевшей хождение во флорентийском Студии, где учился Макиавелли. Среди прочих сочинений Платона интеллектуалам университета Флоренции был известен диалог «Парменид». Основатель флорентийской Платоновской академии Марсилио Фичино даже составил обширный комментарий к этому диалогу, актуальное научно-критическое издание которого было предпринято итальянскими учёными Ф. Лаццарин и А. Индженьо [21]. Как известно, «Парменид» Платона принадлежит к разряду «тайных материй» в истории изучения античной философии. Практически невозможно доподлинно определить личности персонажей этого диалога. Прямой «перенос» в лице одного из них фигуры знаменитого философа-досократика Зенона, ученика Парменида, по мнению издателя и переводчика диалога на английский язык, философа Ф. Корнфорда, также не априорен, но предполагается возможным, исходя из наших сведений о позднеантичной традиции комментария этого диалога [14, p. 131-134]. При этом, однако, как

указывает Марсилио Фичино – современная итальянская исследовательница философии, Ф. Лаццарин – знаменитый флорентийский неоплатоник эпохи Возрождения – проявляет в отношении Парменида как персонажа диалога известную восторженность, называя его в своих комментариях «примером трезвости интеллектуальной свободы» [21, р. 12].

Исходя из суммы этих фактов, мы можем сделать два промежуточных заключения. Во-первых – Фичино связывал с «Парменидом» Платона (и его заглавным персонажем) явление в греческой философии. Во-вторых – его комментарий на данный платонический диалог мог относиться в Студии Флоренции к своего рода «хрестоматийным» текстам для изучения, который должны были знать не только ученики самого Фичино, но и все универсанты. Однако Макиавелли пусть и учился во флорентийском Студии во времена Фичино, но не был его непосредственным учеником: «руководство» над ним осуществлял Марчелло Виргилио Адриани [4, с. 8].

Почему же мы вольны предположить, что Никколо запомнил некий «урок» из «Парменида», да и связанный именно с фигурой Зенона Элейского? Здесь указателем служит интересный фрагмент его переписки. В одном из писем периода дипломатической практики Никколо, находясь в Мантуе и характеризуя задержку прибытия императора Максимилиана Габсбурга в Мантую, за которым он, по поручению Синьории, должен был пуститься вдогонку, иронически упоминает знаменитую историю Зенона о бегуне и черепахе, его обгоняющей с начала движения [20, р. 89]. Указание Макиавелли именно этой истории в письме к Луиджи Гвиччардини крайне примечательно, если судить о том, какое вообще значение имела философия для сознания ренессансного человека, не погружённого, наподобие Фичино или Делла Мирандола, в её изучение как в сущую повседневность. Так отечественный ренессансовед Л.М. Баткин предметно рассмотрел место философии в культуре ренессансного письма на примере письма 1366 г. Франческо Петрарки к Джованни Боккаччо [2, с. 32-47]. По мнению Баткина, прежде всего, таким значением явилась культура упоминания и цитирования авторами

ренессансных писем «...любимых и показательных общих мест» из произведений античных философов [2, с. 34].

То есть большинство образованных итальянцев ренессансной эпохи должны были знать античную философию на уровне, не большем и не меньшем, нежели это следовало необходимым для приведения цитат в письмах при удобных на то случаях. Упоминание в письме дипломата Макиавелли, несомненно, образованного человека эпохи высокого Возрождения, истории Зенона про бегуна и черепаху – как раз подобный случай. Однако сложно судить, знал ли флорентинец эту историю именно за авторством Зенона, или просто как имевшую хождение у ренессансных и античных авторов забавную байку, поскольку сам Зенон (или другой источник знания воспроизведённой истории) в письме к Луиджи Гвиччардини не упоминается [20]. Во всяком случае, указаний непосредственно на ранних греческих философов, или на их идеи, более в теории и письмах Макиавелли найти довольно затруднительно.

Поэтому наиболее справедливой и осторожной концепцией анализа восприятия Никколо Макиавелли греческой античной традиции, с нашей точки зрения, можно признать концепцию «Greek triangle» – «греческого треугольника» американского исследователя из Принстонского университета М. Халлианга. Согласно этой концепции «греческого треугольника», Макиавелли в политической практике и теории ориентировался на трёх греческих авторов – Платона, Аристотеля и Полибия [17, р. 57-58]. Разделяя концепцию Халлианга, мы модифицируем её до своего рода «квадрата», добавив в этот «треугольник» греческих «апологетов» идей Макиавелли также Эпикура.

Почему мы склонны полагать, что это должен быть именно «квадрат», в котором все стороны равны, и, следовательно, Эпикур повлиял на Макиавелли не меньше, чем Платон, Аристотель или Полибий? В этом отношении обратим внимание, что аналогичные выше упомянутым сентенциям касательно правления Савонаролы во Флоренции эпикурейские по духу рассуждения Макиавелли, будучи секретарём Совета Десяти – руководящего органа

флорентийской дипломатии – высказывал и в адрес своего дипломатического визави Чезаре Борджиа. В этом отношении обратим внимание, какое важное внимание в извилистой политической судьбе Чезаре как в черед триумфов, так и в последовавшем за ними фиаско Макиавелли уделяет понятию о фортуна как обстоятельстве, сначала игравшем «за» герцога, а затем оказавшемся «против» него [10, с. 73-81]. Итальянский исследователь эпикурейской философии Г. Арригетти выделял, по меньшей мере, шесть мест в сочинениях Эпикура, в которых греческий философ рассуждал о фортуна как факторе существования человека. Примечательно, что как минимум в трёх из них эти рассуждения облачены Эпикуром в эпистолярный жанр, столь любимый и характерный макиавеллевским дипломатическим реляциям [15, р. 114, 116, 416]. Таким образом, эпикурейское влияние, так же как и влияние Платона, Аристотеля или Полибия, присутствует в двух широких измерениях макиавеллевской этики: в его политической теории и в его дипломатической практике.

Основное внимание формам и практикам греческой государственности у Макиавелли уделено в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» [9, с. 138-262]. Обозначим, что при анализе «Рассуждений» нам приходится почти неразрывно говорить как о том, что Никколо писал про греческую государственность и греческие государства, так и о том, что он писал о Риме и Римском государстве. Отечественный исследователь творчества Макиавелли М.Л. Андреев очень точно подметил, что, в представлении Никколо, античность почти не делится (как это принято для нас сейчас) на греческую и римскую. Флорентинец воспринимает эти этапы античной истории если не абсолютно неразрывно, то, по меньшей мере, в диалоге [1, с. 15]. В данном ключе, нужно обратить внимание на следующую характерную особенность макиавеллевского мышления в отношении греческих государств. Никколо называет их «*res publica*» – «общее дело», так же как римляне называли своё государство [18, р. 89-216]. В этой связи возникает интересная ситуация при прочтении «Рассуждений» на русском языке, когда при прямом переводе «*res publica*» – не как государства вообще, а именно, как «республика» – слова

Макиавелли могут интерпретироваться в соседстве следующим образом: «Спартой управляли царь и небольшой сенат» [9, с. 154]; «...В древности такой республикой была Спарта, а в современности – Венеция» [9, с. 154]. По всей видимости, Макиавелли сравнивает современную ему Венецию со «спартанским государством», имея в виду схожее устройство государственной вертикали, при котором сенат в одном случае выступает ограничителем власти царя, а в другом – непосредственным «выборщиком» и «нанимателем» дожа республики. Флорентинец не мыслил в своих «Рассуждениях» Спарту как республику – он понимал её монархическое устройство и знал, по меньшей мере, трёх спартанских царей – Агиса IV, Клеомена III и Агесилая II [9, с. 165-166].

Вместе с тем, свидетельствуя кажущееся казуистическим применение флорентинцем понятия «*res publica*» как понятия о государстве общим образом, следует иметь в виду, что для Макиавелли идеалом государственности вообще, и именно античной государственности, был республиканский Рим. В «Рассуждениях» все государства, существовавшие в античности, и государства, современные Никколо, сравниваются им с Римом как с эталоном [18, р. 89-216]. Вместе с тем характерной для Рима проблемой, с позиции Макиавелли, являлось постоянное стремление к экспансии государственных границ. В этом отношении флорентинец склонен считать более правильной политику Спарты – защищать ту территорию, которая составляет в государственном представлении его исторически сформированное «ядро» [9, с. 155-156]. Здесь Макиавелли вновь указывает на то, что пример силы Спарты мог быть очень показателен для такой современной ему итальянской республики, как Венеция, на этот раз в плане обороны своих внутренних рубежей: «Как только Венеция, уподобившись Риму, стала вести завоевательную политику и расширять свои владения – тут же не смогла она сохранить то, что имела внутри себя» [9, с. 156]. Никколо упоминает в этом фрагменте своего сочинения итоговое поражение венецианцев в Итальянских войнах, начавшихся для них весьма успешно [4, с. 72-73].

Вообще в «Рассуждениях» Макиавелли очень много рефлексивных параллелей на тему: «греческие государства – итальянские государства эпохи Итальянских войн». Здесь Никколо, с нашей точки зрения, стремится везде провести параллель в первую очередь не между стадиями процветания греческих государств и итальянских государств, ему современных, а между стадиями их вырождения. Поскольку Итальянские войны 1494-1559 гг. – это время в полном смысле слова вырождения городов-государств Италии, их порабощения крупнейшими державами Европы [4, с. 3]. Макиавелли склонен порицать состояние современной ему политической системы Апеннин, не способных защититься от нашествия испанцев, французов и немцев [см.: 9; 18].

Парадоксально, что в «Рассуждениях» Макиавелли в значительной степени вскользь обозначена история прихода Рима в Грецию, связанная с римским завоеванием греческих государств, на первый взгляд, представляющаяся очевидной параллелью с судьбой современных Макиавелли Апеннин. Греция и её государства стали жертвой Рима – Италия конца XV в. стала жертвой Испании, Франции и Империи Габсбургов. Однако Макиавелли не видит здесь параллели – напротив, он считает приход римлян в Грецию спасением для античного мира [см.: 9; 18]. Здесь, как полагает М. Халлианг, Макиавелли следует за Полибием: грек, восхвалявший римское государственное устройство и живший в эпоху прихода римлян в Грецию, «убедил» Никколо, что римляне спасли вырождавшийся греческий мир [17, р. 45]. Вновь согласимся с Халлиангом: Макиавелли, так же как и Полибий, идеализировал Рим республиканской эпохи и преклонялся именно перед его республиканским государственным устройством [17, р. 130-168]. Царский Рим до установления республики, как и Рим имперский, выступают для него лишь стадиями трансформаций государственности на её пути к идеалу или на её отхождении от подобного пути. В отношении же греческой государственности, идеализации в макиавеллевском анализе усмотреть не представляется возможным.

Макиавеллевский анализ исторического «цикла» греческих городов-государств приведён им в первой книге «Рассуждений». В начале этой книги Макиавелли пишет о феномене возникновения городов-государств и утверждает, что есть два способа их основать: союзом местных жителей какой-либо местности для преодоления противоречий между ними, или же объединением переселенцев, чтобы лучше и удобнее организовать на новом месте [18, р. 91-94]. Эталоном образования города-государства первого типа Никколо называет Афины, упоминая роль Тезея при их основании [18, р. 91]. Эталоном города-государства второго типа – Венецию, прибежище беглых со всех концов Италии [18, р. 91-92]. Далее Макиавелли уделяет много внимания проблеме противостояния Афин и Спарты. Противостояния, по его интересному наблюдению, даже не столько напрямую друг против друга, сколько именно как типов государственного устройства. Спартанская модель, как полагает Макиавелли, хороша тем, что все граждане или их большинство соблюдали государственные законы: хорош сам по себе этот факт – неудобна его основа, в лице принуждения страхом со стороны тех, кто стоит за этими законами [9, с. 146-147]. В Афинах же, как в городе-государстве, в значительной степени считаемом Макиавелли свободным и поощрявшим свободу своих жителей полисом, законы так же соблюдались, но другим путём: путём привлечения к их разработке как можно большего числа граждан государства [9, с. 147].

Данный тезис флорентинца, как отмечал известный исследователь ренессансной философии К. Скиннер, опять же проистекает из греческой античной традиции: его выдвинул в своей «Политике» Аристотель, анализируя правление афинских царей [11, с. 122]. Идеи Аристотеля в целом органично синтезированы Макиавелли в развиваемой им в «Рассуждениях» политической теории. Обратим внимание, например, на макиавеллевское определение переходных стадий политических практик – переход от хороших форм правления к их плохим сторонам (из монархии в тиранию, из аристократии в олигархию и из демократии как власти с народным представительством в

прямое «массовое» народовластие) [9, с. 144-145]. В этом отношении можно разделить точку зрения Скиннера о том, что Макиавелли был склонен принять идею Аристотеля о политике как целостном организме, не терпящем переходных форм [11, с. 87]. Так же Макиавелли в «Рассуждениях» развивает идею Аристотеля об аристократической республике как лучшей форме государственного правления. Подобная форма республики в политической практике, позволяющая осуществить «народное правление в интересах гражданского общества», больше всего соответствует идеалу республиканизма воззрений флорентинца [16, р. 134]. Здесь, однако, для него образец опять же Рим – республиканский сенат вызывает у него большее уважение, нежели афинское народное собрание.

Из современных Макиавелли республик ближе всего к этой оптимальной форме государственного устройства для него была Венеция, поскольку она была близка к установлению империи [17, р. 47]. Но Венеция, в отличие от Рима, как Никколо указывал в другом своём сочинении – «О военном искусстве», не смогла обратить выгодность своего внутреннего порядка на пользу военному делу. Что и отличало республиканский Рим для Макиавелли – сбалансированное соотношение внешнего и внутреннего уровней государственного управления, в конечном итоге, сложившихся в имперскую структуру [17, р. 47].

В отношении Спарты и Афин при прочтении «Рассуждений» очевидно, что автор уделил очень много внимания своего рода сравнительной характеристике двух законодателей в истории этих городов-государств – Солон и Ликурга. При этом Солон критикует Макиавелли за то, что его законы не выдержали испытания временем и не пережили его самого, ушли вместе с ним [9, с. 147]. В этом смысле для Никколо весьма показателен приход в Афины Писистрата после Солон как пример несостоятельности греческой государственной модели «правления одного» в том случае, когда этот один не имел значительной поддержки аристократических слоёв государства [9, с. 147]. За ним, как правило, вскоре приходил тиран. Для Спарты же, как полагает

Макиавелли, долгое процветание было следствием отсутствия внутренних возмутителей. «Бомбой замедленного действия», способствовавшей появлению таких возмутителей, стало расширение Спарты, выход за пределы её закрытого пространства. Первое же выступление против «ядра» Спарты за его пространством – восстание в Фивах – как свидетельствует флорентинец, вскрыло эти проблемы спартанской государственности и, по сути, погубило Спарту [9, с. 156].

Фивы для Макиавелли – пример высокой военной доблести среди греческих государств. В подобном контексте он выделяет фиванского полководца IV в. Эпаминонда [8, с. 83, с. 219]. Эпаминонд для Макиавелли – образец военного лидера в греческом мире, о чём он пишет в сочинении «О военном искусстве»: Эпаминонд вдохновил, или даже невольно «научил» образцам военного искусства своих выдающихся последователей – Филиппа и Александра Македонских [8, с. 222]. Но Фивы в этом отношении – вновь пример ситуации, когда после выдающегося в своём деле лица приходит упадок: череда неудач следует для фиванцев сразу после смерти Эпаминонда [9, с. 185]. Здесь вновь очевидна параллель Макиавелли в его описании фиванской государственности с политическим положением, засвидетельствованным им в городах-государствах Италии эпохи войн на Апеннинах. В частности, анализ Макиавелли примера античных Фив весьма соотносится с наблюдением, высказываемым им в «Государе» в отношении ситуативных военно-политических свершений герцогства Романья под управлением Чезаре Борджиа [7, с. 24-25]. Это характерный общий момент макиавеллевских «Рассуждений» и «Государя» – идея о том, что политика в ходе и развитии своём априорно преходяща, а потому лица её сменяются, но не меняют саму её суть.

В этом отношении образцовым правителем греческого мира для Никколо является Александр Македонский. Макиавелли перечисляет ключевые характеристики Александра как правителя, принесшие ему подобную славу. Александр основывал города там, где людям удобно было бы жить, где у них

были бы все ресурсы для жизни [9, с. 142-143]. Александр пользовался почётом своего войска, т.к. никогда не мыслил себя отдельно, вне его [9, с. 216], и всегда удовлетворял его нужды [9, с. 216]. Наконец, Александр не нарушал законов и обычаев тех народов, на которые стремился распространять свою власть [9, с. 141].

Для Макиавелли крайне важно, что в античных политических практиках, как в эллинистическом греческом мире, так и в том же республиканском Риме, правители следовали традициям, и государственность поддерживалась неким набором устойчивых норм, обычаев. Как он отмечает в «Государе», неспособность воспроизвести эту отличительную черту модели управления Александра – это одна из существенных проблем политической системы современной ему Италии, в городах-государствах которой политические практики суетны и гибричны, борьба за власть для персоналий превышает традиции [7, с. 72-79]. Вместе с тем Никколо упоминал о том, что в античных политических практиках существовало два варианта как дать государству этот набор традиций или норм. Первый вариант – реализовать подобный политический проект сразу «импульсом» начинаний одного наиболее деятельного гражданина (как законы Ликурга в Спарте, соблюдавшиеся затем порядка 800 лет) [18, р. 98]. Второй – вырабатывать их постепенно, в «эволюционном ключе», как в Римской республике [18, р. 99]. Оба варианта в конечном итоге не обеспечат государству вечного процветания: упадок первого наступит тогда, когда из него уйдёт последний, помнивший имя Ликурга; упадок второго – когда интенсивность этой постепенной выработки законов станет для государства чрезмерной и обесценится суть совершенствования традиционно-правовой базы, лежавшая в её основе [18, р. 98-99].

В конечном итоге в своём анализе античной государственности Макиавелли делает вывод о том, что и греки, и римляне теряли своё государственное величие лишь потому, что не учитывали природу человека [1, с. 14]. Человек для Никколо – существо несовершенное и наделённое при прочих равных примерно одинаковым набором дурных и благоприятных

наклонностей [1, с. 14]. Однако дурные, в конце концов, перевешивали в нём – поэтому рушились античные государства. Человек античности, на которого была ориентирована античная государственность – доблестный воитель, гражданственный, следующий долгу чести и закона, просто изжил в себе эти добродетели. А в современной Макиавелли Италии люди не хотели следовать истории или не знали её, поэтому у них вовсе не было того эталона, который дала античность и который, как считает мыслитель, мог бы трансформироваться в эталон для современного ему государства [см.: 9, 18]. Незнание античных заветов – как греческих, так и римских – в управлении государством вело Италию к распрям и грозило ей гибелью в долгих войнах XV-XVI вв. Но Макиавелли надеялся, что эти заветы вернуться – об этом свидетельствует финал «Государя» в эпилоге рассуждений о судьбах и перспективах Апеннин:

Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла ещё доблесть
В итальянском сердце [7, с. 79].

Список литературы:

1. Андреев М.Л. Слово и дело Никколо Макиавелли // Никколо Макиавелли. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, 2004. С. 5-18.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.
3. Брюнсвиг Ж. Философия в эпоху эллинизма // Греческая философия. Том II (под ред. М. Канто-Спербер) / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. С. 509-652.
4. Жиль К. Никколо Макиавелли / Пер. с фр. В. Балакина. М.: Молодая Гвардия, 2005. 164 с.

5. Клулас И. Лоренцо Великолепный / Пер. с франц. Н.Н. Зубкова. М.: Молодая гвардия, 2007. 259 с.
6. Ксенофонт. Киропедия / Пер. с древнегреч. и науч. ред. В.Г. Боруховича и Э.Д. Фролова. М.: Наука, 1976. 336 с.
7. Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. Г.Д. Муравьевой. М.: Планета, 1990. 84 с.
8. Макиавелли Н. О военном искусстве / Пер. с ит. А.К. Дживелегова // Макиавелли Н. Сочинения. М.-Л.: Наука, 1934. С.27-250.
9. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с ит. М.А. Юсима // Никколо Макиавелли. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, 2004. С. 136-468.
10. Павлов К.В. Никколо Макиавелли и дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: диалог с Чезаре Борджиа (1502-1503) // Архонт. 2021. № 4 (25). С. 71-85.
11. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение / Перевод с англ. под редакцией М. Шарлая. М.: АСТ, 2009. 160 с.
12. Шишков А.М. На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья: V-XIV вв. СПб.: Университетская книга, 2016. 704 с.
13. Biasiori L. Nello scrittoio di Machiavelli. Il Principe e la Ciropedia di Senofonte. Roma: Carocci, 2017. 149 p.
14. Cornford F. Plato and Parmenides. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1939. 266 p.
15. Epicuro. Opere / Introduzione, testo critico, traduzione e note di G. Arrighetti. Torino: Einaudi, 1960. 669 p.
16. Haskins J. Humanism and the origins of modern political thought / The Cambridge Companion to Renaissance Humanism // Ed. by J. Kraye. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 118-141.
17. Hulliung M. Citizen Machiavelli. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 320 p.

18. Machiavelli N. Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio. Libro Primo / Niccolo Machiavelli. Opere // A cura di M. Bonfantini. Milano; Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 89-216.

19. Machiavelli N. Letter to Francesco Guicciardini, August, 1524 // The Letters of Machiavelli / Translated by A. Gilbert. Chicago: University of Chicago Press, 1961. P. 205-206.

20. Machiavelli N. Letter to Luigi Guicciardini. November, 1509 / The letters of Machiavelli // Translated by Allan Gilbert. Chicago: University of Chicago Press, 1961. P.89-90.

21. Marsilio Ficino. Commento al “Parmenide” di Platone / A cura di F. Lazzarin e A. Ingegno. Firenze: Leo S. Olschki, 2012. 565 p.

22. Pomponazzi P. On the immortality of the soul / Translated by W.H. Hay II and J.H. Randall Jr. // The Renaissance philosophy of man. Selections in translation / Edited by E. Cassirer, P.O. Kristeller, J.H. Randall Jr. Chicago: The University of Chicago Press, 1948. P.280-384.

23. Roecklein R.J. Machiavelli and epicureanism. An investigation into the origins of early modern political thought. Plymouth, UK: Lexington Books, 2012. 288 p.

24. Sedgwick M. Against the modern world: To the issue about aim of the Renaissance culture. Oxford: Oxford University Press, 2004. 370 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.